

P
K88

БАРАТНЫЙ

РЭКЕТ

Виктор
Кузнец

КРАЕВЕДЕНИЕ

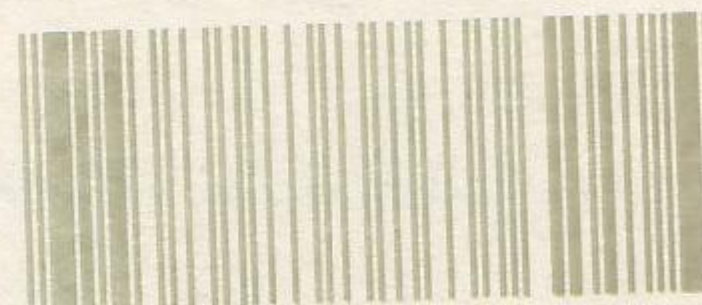
ПОРТРЕТНАЯ ГАЛЕРЕЯ "СКРИЖАЛИ КАМЧАТКИ"

Р
К 88

Виктор Кудлин

БАРХАТНЫЙ РЭКЕТ

Камчатская Областная Научная Библиотека

%00100407

Издательский Центр типографии СЭТО-СТ
Петропавловск-Камчатский
1997

ББК 84Р7-4
К88

Роман, давший название новой книге известного камчатского прозаика Виктора Кудлина, “Бархатный рэкет” — первая, но несомненно удачная попытка освоить жанр детектива, к которому почти не обращаются местные литераторы. Три повести, включенные в сборник, читателю хорошо знакомы и любимы за приверженность автора камчатской тематике, яркие, запоминающиеся образы героев, богатство языковой палитры.

Составитель Артур БЕЛАШОВ

Художник Максим ЧЕРНИКОВ

ЛЕТУЧАЯ ДУША

Проснувшись в самую застойную темень, Резванцев, как бывало почти каждую ночь, пытался угадать причину своего пробуждения. Его сон был некапризным, но легким, как сквознячок, и он пробуждался от любого мелкого звука. Тюкнет по стеклу одинокая струйка дождя, пролетят над рекой утки — ему слышно. Если утки, он только подумает, что табунок снялся раньше зоревых сроков и, не ворочаясь долго, уснет до следующей случайной побудки. А когда по следу пробной дождины пойдут стучаться другие, Резванцев сядет в раскинутой на полу постели, придвинется к подоконнику и, доверяясь слуху, станет прикидывать, какой дождь затевается: материковый перебежчик, который торопится к морю и здесь не задержится, или тот, что, обрастая туманом, наползает от моря и, значит, застрянет в Щеках — в речной прорези между скалами, над самой рыбалкой.

Частые перебивки ночного покоя не раздражали, не мучили Резванцева, как других, доживших до его возраста. Он и своему другу, Сикерину Георгию, черными словами говорившему о бессоннице, советовал зря не бунтовать, поскольку так установлено природой: молодому храпеть, пожилому держать ухо в руке, чтоб чего нужного не проворонить.

“Георгия учил, а сам ворону поймал”, — Резванцев вернулся к тому неясному, что заставило его посреди ночи лежать с открытыми глазами. Остерегаясь шуршать подушкой, он застыл в напряжении, от которого, казалось, поскрипывало в голове, но тишина за стенами его бригадирской избы оставалась ровной, без единой пробоинки.

Такого с ним не случилось, чтобы просыпался, не зная от чего, и он беспокоился: что, если и его настигла пустая бессонница, от которой тосковал ночами Георгий?..

И как раз послышалось: кто-то под окном всхлипнул — раз и другой. Резванцев озадаченно подумал, что бы это могло быть, и улыбнулся: “Река под берегом... Язви тебя, для какой-нибудь ерунды сна лишаюсь, а ее и в бодрости не слышу”.

Пройдя через мысли Резванцева, река унесла никчемное беспокойство из-за чего-то неизвестного, канувшего в темноту и наверняка случайного. Река снов не тревожит. Она, как родное дыхание, со всеми его хрипами и сипами, живет ненавязчиво, если не считать коротких моментов паводка, когда от общего расстройств в природе на нее накатывают припадки. Тогда и слушать ее приходится, и на пристани ночами дежурить, чтоб не остаться без лодок, не потерять сампана с вечерним уловом, который из-за темноты не успевали отправлять на консервный завод. И опять, не в пример Георгию, он не плевался, не умирлял Камчатку-реку матом, объясняя себе и другим, что это у нее от полнокровия. И терпеливо ждал, когда спадет лишнее давление, кончатся лишние хлопоты.

Сейчас он впервые подумал: может, никакая это не болезнь — паводки?.. Может, переполняясь талой водой, Камчатка-река поминает свою молодость, именины празднует?.. Бог знает, когда оно случилось, а ведь когда-то случилось, что ей надо было возникнуть и без подсказки, слепым ходом, промываться за тыщу километров к морю.

Мысленно Резванцев хотел проследить ту дорогу и не смог: за тридцать лет, что он бултыхается с лососями на рыбалке в Щеках, ему не пришлось подняться по реке от устья до Срединного хребта, откуда она берется. Был только у среднего течения, под Козыревском, куда перед войной ходил за лесом, и знает, что в той стороне места для течения легкие — плоские и даже с наклоном. А между Ключевской сопкой и Шивелучем будто специально к приходу реки была распахнута широкая впадина: мол, беги веселей — море еще не близко.

И, считай, перед концом, когда бы уже вот-вот поздороваться с большими волнами, стали на тундре поперечные хребты. Справа начала не видно, слева — окончания. Куда сворачивать?..

А никуда. Обходы искать — время терять. Резванцев подумал об этом с иронией, усмехнувшись в темноту, как будто не он сам только что, сию минуту, это домыслил, а услышал со стороны.

Сроки ее, видишь, поджимали... Принцип, это все — принцип. Где не пускали, там и пошла точить-резать. Ну, может, какую ложбинку разглядела — и вода зацепку ищет. Да что зацепка? Сколько хочешь бывает: кто-то к чему-то прицепился и повис, как сетка на вешалах. Сам дальше не двигается, другого не пускает и отцепляться не хочет. А эта сквозняком — от заката в восходу. Распорол хребты аккуратней динамита. И не щелью — лишь бы хвост затащить — а сколько требовалось, чтобы не ужиматься и при самой большой воде.

Резванцев окончательно забыл, с чего начались его полуночные мечтания о прошлом реки. Вот же, язви ее, прошла и не спотыкнулась. И ведь это же все здесь было, на этом вот месте, где после того образовались Щеки и где он, Резванцев, спустя неизвестное время, поставил бригадную рыбалку.

А интересно, как оно тут происходило?.. Разбегом, на ура, или обманом, по струйке — чвирьк, чвирьк?.. Не-ет, исподтишка — вряд ли. Все же не бачок с краном — открыл, прикрыл. Такую прорву — как ее регулировать?.. Струйка залилась, а остальную воду куда?..

Не сомневаясь, что течение вышло на свет сразу широко и с разгоном, Резванцев попытался представить, как в этих местах кипело и рушилось, но воображение донесло до него только прибойный гул на берегу Усть-Камчатска, где его собственный дом стоит в последнем ряду, обнаженном к заливу. Ну, а как вообразить то, давнишнее?.. Уже и покровсанные хребты все позабыли, обросли, где болело, черноватой каменной березой и в тихое время, когда не рябит, замечая себя на воде, небось, думают, что они так родились — над рекой и в березах. Думайте, думайте... Прежнего никто не помянет. Река, одолев хребты, поменяла голос, она теперь больше помалкивает, знает одну заботу: без лишнего шума — скорей, скорей. Только что в паводки побурлит, отводя душу, да в такую, как сейчас, темень, пока ни катеров, ни занудливо дребезжащих моток, всхлипнет, не горько, по-ребячьи — и весь ее разговор.

Приподнявшись на локте, Резванцев обернулся в сторону бывшего над его изголовьем окна и, не найдя перемен в движении ночи, опустил на подушку. Что ж... Помечтал, поворочался — надо и подремать. Ночь — она не трогается, не трогается, а потом раз и посыпалась.

Не жалея о бессонном времени, он неторопливо разобрал сбившиеся как попало углы служившей ему одеялом простыни — не

любил, чтобы ночью грудь парило — когда от Малых Щек прокололся тонко летящий к нему звук, похожий на пепельный свист догорающей в костре валежины. Повисел, ровно натянутый, и пропал, но для Резванцева разом все объяснилось: и что его разбудило, и почему, проснувшись, мучился тишиной.

— Валентин! Летучая твоя душа!.. — прошептал он радостно, не осознавая, чему больше радуется — возможной встрече с Валентином или тому, что его пробуждение не оказалось, как у Георгия, пустым, от пожилых лет. Резванцев переступил коленями через подушку и, пока зажигал на подоконнике свечу, успел обсказать себе, как все получилось.

— Значит, он залетел в Щеки — я проснулся, а он уже по Старому криву ну побегал, и весь его звук сопки впитали... Теперь опять в кривуне. Это в каком же?.. А-а, выскочил!..

Той же высокой тональности, но уже более прочный звук вернулся к Резванцеву и шел, не обрываясь, подобно лучу, разглядевшему в черном однообразии ночи желанную цель.

От начала щек до рыбалки считают восемнадцать километров, и другому, кто неторопливый, с умом, ходу на моторке даже по светлomu времени — полтора часа. В Щеках встречное течение лбом в тебя упирается, дескать, назад, назад — нечего тут раскатывать. А Валентин — язви тебя! — этого и течение обходит. Ему двадцать минут — делать нечего.

Спичечным коробком, в волнистых стеариновых наростах, Резванцев придавил капельный огонек свечи и вышел к реке. Звон Валентиновой моторки, отдаваясь в толще воды, слышался почти рядом. “Будто напрямую шпарит, над сопками”, — с изумлением и беспокойством подумал Резванцев. — Ах, ты, дурачок, дурачок. Так вот однажды булькнешься...” И сразу стало неловко за дурные, под руку Валентину, мысли, и он, открешиваясь от них, пошел вдоль берега к причалу, бесполезно напрягая зрение, в надежде разглядеть слившуюся с ночью общую бригадную избу, поставленную на террасе, в притык к обрывистой сопке. Изба обживалась первую путину. Раньше все, кто составлял бригаду, а их меньше двенадцати не бывало, давились в том, самолично Резванцевым построенном домике, где с нынешнего лета он, отдыхая от храпунов, ночевал один.

Не дойдя до причала, Резванцев повернул обратно, стал близко к воде, напротив своего домишки и здесь дождался, когда из-за Желтого мыса, обозначавшего верхнюю границу рыбалки, весело закатываясь звоном, вырвалась Валентинова дюралька. Резванцев

определялся только по звуку, тогда как наострившийся в темноте Валентин еще от Желтого мыса заметил длинную, неподвижно злитую в ночь фигуру. Звон оборвался, и дюралька, сочно пластая по инерции воду, ткнулась в мягкую береговую закраину.

— Здорово, дядь Резван!.. Ждешь?..

— Тебя, что ли? — отозвался, пробуя держаться равнодушного тона, Резванцев.

— Меня, дядь Резван, меня!.. Хватай цепь!..

Веселая самоуверенность Валентина напомнила Резванцеву недавнюю обиду, вызванную тем, что Валентин две ночи подряд проскакивал мимо рыбалки, не найдя минуты, чтобы поздороваться, спросить, как живется-рыбачится.

— А я знал, — улавливая обиду Резванцева и оттого пуще налегая на веселость, сказал Валентин, — в Щеки зарулил и подумал: старикан слышит!.. Уже ворочается старикан!..

— Я тебе дам старикана. Только на берег вылезь.

— Не любишь?..

— Дойдет до карачек, может, и спляшу на радостях. А сейчас, какой я старикан?.. Сетку выбираю — волна поднимается. Лодку без чужой помощи подсушиваю.

— Не сердись, дядь Резван, я тебе карасей на гостинец.

Темная фигура Валентина, распрямившись на мгновение, тут же опала, оставив закачавшуюся в лад с бортами горбушку спины. У ног Резванцева сыро зашлепало.

— Стоило забот, — сказал он, довольный вниманием Валентина. — На рыбе сижу, рыбой угощаешь.

— Чавыча разве рыба?.. На полтора аппетита. Охотку сбил и опять за картошку. А карась, да наш, еловский!.. Эх, дядь Резван!..

— Ну, спасибо, Валентин. Еловский карась — куда к черту другим.

Резванцев наклонился и, не видя, повел пальцами по травянистому краешку берега, пока не коснулся плоских упругих тушек. Вздвогнув, засмеялся:

— Они у тебя живые.

— А не поверишь, — Валентин перебросил через борт длинную в резиновом сапоге ногу, ступил в воду и, придерживая за цепь нос дюральки, вышел на берег. — Не поверишь, дядь Резван, я их четвертые сутки катаю. Сперва на Еловке ночевал, потом в Ключах... Вчера в Устье летал, думал, подрую, еще светло было, а у тебя толпа катеров, какие-то марсиане в шляпах...

— Придумал, — снова засмеялся Резванцев. — Марсианы.

— А их с реки не разберешь. Видно, что в шляпах, значит, сверху откуда-то.

— Да тут много кого наехало. С правления, с области.

— Значит, я догадливый: понял — мест в президиуме не осталось, пошел напролет. — Валентин выставил дюральку на полкорпуса из воды и вместе с Резванцевым устроился на лежащем у берега бревне. — Пришлось карасям в Усть-Камчатске позагорать.

— А не караси, ты и сегодня бы напролет?..

— Иди ты, дядь Резван. Не собирался бы — на хрена было карасей мучить?

— А в те разы чего не заехал?

Валентин с притворством, не скрывая, что притворяется, хлопнул себя по коленям.

— Неужели засек?..

— Не глухой. Сам говоришь: ты — в Щеки, я — ухо в окошко. Валентин прижал Резванцева к сильной своей фигуре.

— Что-то ты, дядь Резван не толстеешь. Вон дядя Гоша — хэ-хэ!

— В лодку сядет — рыбу складывать некуда.

— Выходит, Георгия навещаешь, а ко мне...

Резванцев хотел незаметно отстраниться, но Валентин объятия не расслабил.

— Не сопи, дядь Резван, сам виноват. С дядей Гошей как?.. Привет и — дальше.

— А я что? — высвобождаясь из-под тугой мускулистой руки, спросил Резванцев.

— Не прикидывайся. С тобой повидаться хочешь, а ты одно знаешь: как в бригаду сманить. Сказал же тебе.

— Сказал, сказал, — ворчливо передразнил Резванцев, — ты, что ли сказал?.. Глупость твоя сказала. — Пробивая комком обиды, слова у него шли неровно, и он подождал, когда там осядет, примнется. — Силенки моей — на путину, на две. А потом как?.. Кому рыбалку оставляю?..

— Не приbedняйся, дядь Резван, двадцать утюжатников в бригаде. Сам замену не выберешь — правление подскажет. А то и советовать не будут.

— Как не будут? — встрепнулся Резванцев. — Эту рыбалку я самолично выбирал, самолично обстраивал. Тридцать лет обживаю. В кресле столько не высиживают, сколько я задницей на этой воде... И еще бы сидел, да силенки, Валентин, силенки...

— Иди ты, дядь Резван. В твоей должности сила, что ли, нужна?.. Сетку выбирать тяжело — понятно. А бригадиром, с твоим-то качеством — хэ-хэ!..

— Да какое там качество, — У Резванцева задрожали пальцы, дрожь отдалась и в голосе — никогда еще Валентин так про него не говорил, а только поддразнивал да похохатывал над его заботами. Резванцев и это в нем любил, зная, какой Валентин, при его молодости, добрый и независтливый. — Когда-то, может, и было качество. А теперь что?.. Одни отходы.

— Не-ет, дядь Резван, не-ет... Совесть в отходы не пускают. С твоей совестью ни лекций не надо, ни собраний... Помнишь, я пацаном к тебе пришел?.. Ну пацаном то я себя не считал. Сапоги, роба — мужик что надо. Сижусь с тобой в лодке, хочу матом расколоться, от родителей только этого и нахватаюсь — а на тебя посмотрю — мат, как слюну, проглатываю.

— А мне на днях Косяев подбросил: ты бы, Резванец, лучше матом командовал. Как Сикерин. Ясности больше.

— С твоим Косяем, — перехватил Валентин, — я на неводе работал. Его материть, что водкой поить. Сначала веселится, потом — в драку. А чужой совести ему страшно. Ей ведь кулаком не вмажешь. Совесть, дядь Резван...

— Ну, вот — привязался. Совесть да совесть. Ты бы хоть сказал — на карасе не скучаешь?

— А чего бы скучать?

— Ну, как же, — задавая вопрос, Резванцев хотел, было, вернуть Валентина к разговору о переходе в бригаду, но ему представилось, как сразу после этого осерчавший Валентин толкнет дюральку и уйдет со звоном к дальней речке Еловке и жди, когда у него отляжет, если отляжет. К Сикерину лишний раз подрулит, а к нему, после таких надоеданий — и думать забудет.

— Я почему спросил, — продолжал он с ласковой осторожностью. — Все же карась — болотная рыба. Раздолья не дает.

— Эх, дядь Резван!.. Не в рыбе раздолье. Другому и в море скукота, а я — хэ-хэ! — я скуки не знаю. Мне хоть где весело. Везучий, наверно.

— Хвастунок ты, Валентин.

— А скажи, чем хвастать?.. Хвастают, когда обдуривают. А у меня чисто. У меня, что ни возьми, само получается. Вот говорили, карася нету, карася нету... Дед Жинов первый сбежал. Да еще какой повод сочинил: карась после извержения передох.

— Не слышал от него, — с сомнением сказал Резванцев. — От самой весны в моей бригаде, а такого разговора не было.

— И не будет. Жинов не дурак. Это он заводскому начальству на извержение кивал, чтоб отпустили в колхоз, на большую рыбу. А тебе не скажет. Я же знаю деда. Не ду-раак...

Резванцеву было неприятно слышать, как Валентин отзывается о Жинове, который хоть и был крепок и работал, как двадцатисильный мотор, а все-таки по годам обошел самого Резванцева.

— Нехорошо, Валентин. Ему-то не слышать. За глаза нехорошо. Некрасиво.

— А давай разбудим! — Валентин рванулся с бревна, легко и длинно шагнул в сторону общей избы.

— Э, э! — забеспокоился Резванцев. — Вернись! Что старика булгачить?..

— А спросим: говорил, не говорил?

— Если и говорил, что ж теперь — учить станешь?..

— Стариков, дядь Резван, защищай, — сказал Валентин, усаживаясь на покинутое место, — только не всех подряд. А то как седой, так под амнистию. Хитрюган, копеечник — не трогай. Он, видишь, ветеран.

— Да что с ними, со старыми воевать? — Резванцев пробовал перевести дело на шутку. — Что в них есть, оно само собой кончается. С ними вместе. — Подумав и о своем возрасте, грустновато закончил: — На Камчатке, Валентин, по сто лет не живут.

— Эх ты какой, дядь Резван, — с жестковатым припевом сказал Валентин. — Кому под сто, те занавеской отгорожены. Не только от чужих — от своих. Как дед Степашкин в Ключах. А эти, вроде Жинова, до последнего на глазах. Хочешь пример?.. Еловскую бригаду я из пацанишек набрал. Каникулы, делать им нечего... Проверили первый раз вентера, сварили ухи, ужинаем. Вася Кречетов спрашивает: дядь Валь, Жинов опять на Еловку вернется? Кто, говорю, сказал? Тут Юра Греченин: а все знают. Карася много, значит, на тот год вернется. А на чавычу тот год неурожайный.

— Вот же сопляки! — Резванцеву было неприятно, что в отношении Жинова еловские карасята оказались прямее, чем он.

— Из сопляков, — не зная о его мыслях, возразил Валентин, — мужики вырастают. Они и глядят, кто по каким законам живет. У Жинова закон четкий: земля круглая — чтоб вертеть и заглядывать, где что дают, вода — чтоб рыбу сосать, карман — для денег. А что в

карман можно пару конфеток для внуков сунуть — хэ-хэ!.. Говешку будет таскать — ее не попросят.

Вода под противоположным берегом, где была самая глубина, взорвалась мощным плеском, будто с отвесной вершины хребта ахнулась в нее тяжеленная глыба. Валентин от неожиданности приподнялся, но Резванцев спокойно сказал:

— Чавыча мается.

— А я не понял, — смущенно признался Валентин. — Отвык на карасях. Им только пожрать да поспать.

Снова бухнуло по воде каменной тяжестью.

— Сильно играет! — зачарованно сказал Валентин.

— Ее паразиты гложут, а ты — играет.

— Ну-у, дядь Резван, ты какой-то совсем без фонарика.

— Возраст, Валентин, возраст. Молодому, как показалось, он так и принимает. А в моем возрасте причину ищут. Объясни, к примеру, что тебя заставляет ночами кататься?

— Дела, дядь Резван. Карасей на Еловке сдаю, а за квитанцией приходится в Усть-Камчатск бегать.

— Ближний свет. Туда двести километров и обратно. А кто по ночам квитанции выдает? — Резванцев потрепал влажный от моторных брызг капюшон Валентиновой штормовки. — Что за контора непонятная?..

— Да уж ладно, дядь Резван... Контора... Девчонку в Усть-Камчатске нашел.

Допрашивая Валентина, Резванцев намекал, не зная на что, без определенности, и потому принял услышанное за чистое балаболство.

— Может, и Серафима знает?..

— Знает, — сказал Валентин. — А ты вроде не веришь?.. Я, дядь Резван, серьезно. Сима замуж выходила и знала — я не для одной. Для одной меня много. Или, скажешь, не честно?.. А честно, когда тайком крадутся?.. Как на грабеж?..

— Повезло тебе — Сима такая. Мужским достатком с другой делиться. Как хлебом.

— Я же говорю — везучий, — пережив тягостную минуту первого откровения, Валентин снова повеселел.

Резванцев покачал головой.

— Да уж не знаю, как тут рассуждать. Георгий в твоих годах тоже, бывало, не пропускал. Ни таких, что сами подкручивались, ни других, кто, бывало, на него просто так посмотрит, без женской

мысли. И Сергеична — язви тебя! — хоть бы когда всплакнула. Смется: пусть рыскает, скорей обносится. А моя — только поженились, еще лампу не тушили, заявляет: в чужую постель свернешь — зарежу.

— Кто? — захохотал Валентин. — Тетя Нюся?.. А такая всегда ласковая, без улыбки не видел... Как же она?..

Засмеялся и Резванцев, дело-то еще довоенное.

— Я спросил: как телка что ли зарежешь?.. Так она что: живой останешься, только интерес потеряешь.

В проломы хребтов, на той стороне, затекла, перемежаемая тенью, полупрозрачная зелень. Проявленные ею вершины мгновенно отразились под противоположным берегом. А в этом углу Щек, где сидели двое, черноты будто прибавилось.

— Поеду я, дядь Резван. Мне еще лёту и лёту, — Валентин с места не трогался, он только настраивал себя на дорогу, но уже и сама мысль о том, что он снова сядет за руль, а впереди сто километров веселой гонки, отдавалась в душе счастливым нетерпением. — Пригоню на Еловку, а пацанишки мои спят. И мордахи покусанные. У вас хоть комаров нет, продувает, а на Еловке!.. Не поверишь, комарин на пацанят лью, как постное масло в картошку, все равно грызут.

Увлеченный предстоящей дорогой, возвратом к тихой Еловке, местами заслоненной от неба встречно склонившимися тальниками, Валентин не заметил, что Резванцев смотрел на него примерно так же, как сам Валентин смотрел на своих покусанных комарьем карасятников.

— А ночью не катайся. Не рискуй без дела. — Во вздохе, которым Резванцев завершил эти слова, соединились, не теряя собственных оттенков, боязнь и осуждение.

— Ну, ну, дядь Резван. Ночью — самый разлет. Ни катеров, ни сеток. Пусто, как в космосе. Я иногда ночью так вот лечу — теплом пахнет, рыбой. Воду только перед носом видно, будто кто спичку держит, а я всю реку чувствую. Такая она, слышу, дремучая, вроде никто по ней не ходил, я — первый... И — газу, газу... Уже на предельном ресурсе, а душе все равно мало, душа впереди летит.

— Смотри, Валентин.

— Да ты не переживай. — Валентин потянулся к Резванцеву, но тот сердито отстранился. — Зря ты, дядь Резван. На скорости со мной ничего не сделается. Сам скорость люблю и других не останавливаю.

Утку влет ни разу не бил. На воде она, как чучело на прилавке, целюсь — не жалею. А летит — завидую. Со звуком, как реактивная.

— А мертвяки?.. Плотогоны всю реку лиственницей утыкали, — Резванцев поглядел в проступавшую редкими блесками даль реки, в ту сторону, куда течение торопилось на вечное свое векование, и боязливо, словно бы о только что увиденном, сказал: — Влепишься на полном ходу и — все тебе. Душа, как лупоглазый чирок, дальше полетит, а ты с дюральной под корягой осядешь.

Когда обветренный скоростью Валентин сам говорил о полете души в обгон дюральной, ему ничего конкретного, такого, что можно было обозначить зрительно, не виделось. Теперь же он ясно представил, как насильно оторванная от него душа метнулась мелким испуганным чирочком, как суетливо замельтешили острые, поставленные уголком крылья — представил и повалился спиной на бревно, закатившись гулким, со вскриками хохотом.

— Ну, ты, дядь Резван!.. Ну, ты!..

— А вот не рискуй.

— Сам что ли не рисковал? Ну-ка, припомни.

— Лишнее дело. Память у меня свежая, могу любой день пересказать. За все шестьдесят лет. Не было риску.

— Скажешь, ни разу с лодкой не переворачивался?..

— Так это другое. Это, Валентин, по работе. Рот где не надо раскрыл и готов — умылся.

— А война?.. Война, по-твоему, что?.. Ать, два — короткий перекур?..

— Война тоже не по собственной воле. И тоже — кому как. Возьми Георгия... Язви тебя!.. Вместе с финской — пять лет. Две рукопашные, и после каждой — похоронка. А я что... Под Петропавловском окопничал. На случай японского десанта. И воевал единственный день. Утром на Парамушир в последнем эшелоне кинули, а к вечеру — бою конец. Вот и сравнивай...

— Да нет, дядь Резван, — покорно отозвался Валентин. — Если посчитать, то и я, как ты говоришь, рискнул единственный раз. Помнишь, одно лето я на звездинском неводе рыбачил?..

— А то не помню!.. Это когда с чавычей осеклись?..

— Ну, ну.

— А зато красная поперла. Такого ходу красной ни раньше, ни после не было.

— Вы на речке не знали, куда красную деть, а что в заливе было!.. Как сутки, так два сампана. Из-за красной я и отличился...

— А что произошло?..

— Да, что... Залили очередной сампан, Звездин приказывает: Валька, дуй на сдачу. Ну, дуй, так дуй — прогуляемся. Стал на руль, машу на катер: вперед!.. Пришвартовались к “Уборевичу” — знаешь такую плавбазу?.. Катер отдает конец и назад, к неводу. Волна — свежачок, сампанишко под железной тушей так это хорошо покачивает — забыл, зачем сижу. Ну, с “Уборевича” напомнили. Завпроизводством в гаишную бандуру орет: “Эй, на сампане! Рыбу взять не можем!.. Нету емкости!..” “А на хрена, — спрашиваю, — договор с колхозом заключали?..” “А это, — кричит, — не я заключал. И не ты. Пускай начальство разбирается, а нам с тобой до ноги... Сейчас мы тебе штормтрап бросим, погостишь, пивка глотнешь, там посмотрим”.

— Хотел я ему одно слово сказать — смылся. А мне что делать?.. Рыба запреет, к вечеру эта же падла, завпроизводством, сорт занизит. Смотрю на невод — он далеко, далеко... Как Звездину сообщить?..

— Дурачок, — сочувствуя, упрекнул Резванцев. — Лез бы на “Уборевича”, к капитану. Что значит нет емкости?..

Валентин чуть слышно хмыкнул.

— Видишь, дядь Резван, тебя там не было. А сам не догадался.

— И что сделал?..

— Скажу, только не дерись.

— Значит, отмочил. — Резванцев с покорной безнадежностью махнул рукой.

— Отмочил, дядь Резван. В полном смысле. Разделся, подождал, когда моя деревяшка поднимется на волну, засек, в какой стороне невод, и — вперед!..

— Поплыл! — Резванцев, приподнявшись, схватил Валентина за плечо.

— Уже драться начинаешь, — засмеялся Валентин, — а мне еще плыть надо. А вода, дядь Резван... Бррр...

Резванцеву показалось — и егохватило ознобом, будто он сам окунулся в холодный Камчатский залив, а это, когда работал в молодости на неводах, с ним по нечаянности бывало, и от одного лишь воспоминания его пальцы на плече Валентина словно повело судорогой. Валентин бережно усадил Резванцева на место.

— А знаешь, капитану про мою рыбу все-таки доложили. Капитан этого завпроизводством укусом сполоснул: “Ты что?.. Хочешь меня с колхозниками поссорить?.. Срочно принять рыбу!.. Хотя в

штаны, хоть в рубашку!..”. Завпроизводством — опять сверху: “Эгей, колхозник долбаный, нашли емкость!.. Держи строп!..”.

А от колхозника на сампане одни шмутки. Я и трусы кинул, безгрешным удрал.

— Как же ты плыл? — боязливо спросил Резванцев.

— Думаешь, я знаю, — голос Валентина потерял веселые нотки. — Помню, залив — глобусом, невода не видать, один Камчатский Нос впереди поныривает. На него и целился.

Валентин запрокинул голову к небу, где разбавленная сиренью зелень смывала остатки недавней черноты.

— А неба, дядь Резван, не видел. Или не запомнил.

— Небо, — сердито проворчал Резванцев, — какое небо — вода восемь градусов.

— Верно, дядь Резван, снегом умываешься и то теплей. Просто так — далеко не утянешь. Десять минут и — корма гирей.

— А в конце-то как? — не утерпел Резванцев. — Доплыл или подняли?..

— Сам, дядь Резван, до последнего метра. — Валентин повернул к Резванцеву сияющее лицо, и тому показалось, что и сам Валентин только сейчас впервые обрадовался благополучному исходу заплыва.

— А Звездин?.. Он-то как?.. Поди, обматерил для сутрева?..

— Какой!.. Чуть не отбуцкал! Веслом по кунгасному рулю шибанул — спички посыпались.

Возле бригадной избы что-то негромко стукнуло. Резванцев, обернувшись, деловито спросил:

— Это кто?..

— Я, — отозвался размытый зевком женский голос. — Сейчас затапливать стану.

— Мужиков буди.

— Уже кряхтят. С портянками разбираются. Где свои, где чужие, — освеженный речным утренним воздухом голос женщины зазвучал высоко и чисто.

Валентин, слушая, с беспокойством присматривался к неясным очертаниям той, что маячила на крыльце. Хлопнула дверь, крыльцо опустело, и он заторопился:

— Побегу, дядь Резван. Сам у тебя, а душа на Еловке. — Засмеялся с непонятной для Резванцева грустью. — Во, лётает! В секунду — полста километров. — Шагнул к дюральнойке и снова обернулся к бригадному общежитию. — Это кто у тебя? Повариха?

Резванцев ткнул его в плечо, будто поторапливал с отъездом.

— Мало тебе... Беги, пока Родька Шкляев путается в портянках.

— Так это Елена Шкляева? — У Валентина словно отлегло от сердца. — А я по голосу не узнал. — Намотав на руку тонкую цепь, от толкнул дюральку, и она, повторяя неровности течения, завихляла широкой, слегка осаженной мотором кормой.

— Дядь Резван, ты на Еловке давно не был?..

— Не помню. Лет, наверно, пятнадцать.

— Давай прокачу в междурьбицу. На денек, с ночевкой...

Резванцев улыбнулся.

— Придумал — кататься... Тут сидишь и мечтаешь: скорей бы путину свернуть да на горячие ключи — ревматизм понежить.

— А говоришь, не старый. — Плеснув сапогами, Валентин впрыгнул в дюральку. — Нет, дядь Резван, старый. Хоть и до ста пока не дожил.

Он захохотал, крепко, молодо рванул заводной шнурок, и мотор, заражаясь хохотом хозяина, так же молодо и сильно взбурлил под собой воду.

— Не сердись, дядь Резван!.. Ты не сердись!..

Валентин, показалось Резванцеву, хотел крикнуть что-то еще, но дюралька, словно уже ему неподвластная, плеснулась на середину реки и, закрутив розоватую волну, звонко пошла над молчаливо бегущим встречным течением.

Северные Коряки

СОДЕРЖАНИЕ

Поклонение слову 3

ЛЕТУЧАЯ ДУША 7

ЛАПА КРИВОНОГАЯ 23

ГДЕ ЖИВЕТ ФОРТУНА? 61

БАРХАТНЫЙ РЭКЕТ 85